

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376

УДК 111

ДИАЛЕКТИКА ТВОРЕНИЯ И ПРОЕКТИВНАЯ СТРУКТУРА ПРОСТРАНСТВА

Городецкий Марат Викторович,

доцент кафедры философии и истории

Сибирского университета потребительской кооперации,

Россия, 630087, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 26

monheim@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается креационизм как исторически и научно-философски актуальный принцип, обозначающий онтологическое устройство мира. Вне рамок религиозной трактовки автор говорит о диалектике творения, которая раскрывается в качестве имплицативной связи единого и ничто. Логическая инверсия, действующая изнутри этой имплицативной связи, постулируется как принцип фундаментальной негации, образующий, по мнению автора, подлинную и драматическую суть мира как творения. Автор дистанцируется от распространенной дискуссии между эволюционизмом и научным креационизмом. Заявляется о ее несоответствии самому предмету креационизма, понимаемому как импликация сущего из ничто. Автор сосредоточивается на рассмотрении «из ничто» как чисто диалектического / метафизического принципа и базируется отчасти на гегелевской диалектике бытия и ничто, отчасти на неоплатонистской концепции единого. Отказываясь от средневековой трактовки темпорального начала и гегелевской трактовки тождества, он выводит схему логической связи единого и различного, внутри которой постулируется образующий творение разворот. Единое и различное дизъюнктивно меняются местами: единое становится сущим, а различие вне единого образует ничто. Утверждается, что этот постулат, в частности, опровергает тезис «о грехопадении».

Во второй части статьи излагается пространственно-феноменологическая гипотеза. Дается описание пространства как геометрически-семантической поверхности, которая называется автором проективной структурой. Путь к этой гипотезе выстраивается из феноменологической проблемы двойственности геометрического предмета, следствием чего является проблема онтологического перехода между точкой и линией (в апориях элеатов, в частности) и связанная с нею проблема пространственной конгруэнтности / параллельности. По мысли автора, потенциалом решения этих, по сути не математических, а метафизических, вопросов обладает проективная геометрия, в которой параллельные пересекаются в «бесконечной удаленности», а пространство дополняется «бесконечно удаленной» плоскостью. Суть решения, во-первых, в допущении единой поверхности, фун-

дирующей переход, во-вторых, в описании воспринимаемого мира как результата специфического разворачивания и замыкания этой поверхности, образующего проективную структуру. Ключевой в этой части является демонстрация поверхности трехмерного объекта как феномена перцептивно-семантического разворачивания, который можно выстроить в качестве действия сознания, последовательно редуцируя привычную схему. Важным аспектом рассмотрения проективной структуры является корреляция с «поверхностью» Ж. Делёза.

Общая идея статьи в том, что диалектическая схема творения и принцип проективного пространства онтологически совпадают: логический разворот в связи единого и ничто и проективно структурное разворачивание – одно и то же.

Ключевые слова: творение, единое, ничто, бытие, сущее, основа сущего, пространство, проективная структура, метафизика, поверхность, трехмерность, семантика, негация.

Библиографическое описание для цитирования:

Городецкий М.В. Диалектика творения и проективная структура пространства // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 2. – С. 357–376. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376.

Введение

Что такое диалектика творения, почему это актуально? Диалектика творения означает креационизм, это его расшифровка. Креационизм актуален как онтологическая основа господствующих в истории монотеистических религий и в этом статусе – как один из фундаментальных, определивших историю принципов. Креационизм постулирует изначальную благодать мира, что априори выводит зло, действующее в мире, за рамки мира по его изначальной сущности. В Новое время креационизм не явно, но исподволь остается определяющим отношением к миру. В рамках позитивистской, «научной» картины мира это выражается в самой концепции овладения природой и миром в целом посредством «положительных» знаний; в рамках аксиологической программы модерна – приоритетом нового и будущего. Мир продолжает мыслить креационистски в том смысле, что он доверяет самому себе, доверяет своему происхождению и отсюда – своему будущему. Смысл работы мы видим в том, чтобы подвергнуть разбору эту позицию в ее исходной концепции.

Пониманию креационизма препятствует узость и распространенные ошибки в его толковании. Креационизм понимается как альтернатива эволюционизму, как антинаучный и чисто догматический тезис о природе в ее временном становлении. Это принципиальное недоразумение: к эволюции вопрос о творении не имеет отношения, и в креационизме речь должна идти не о природе и внутренних в ней процессах, но о сущем как та-

ковом и его начале. Попросту говоря, становление природы и творение – разные вопросы. Креационизм – это не про то, что природа возникла «за 6 дней» или за десять тысяч¹ вместо миллиардов лет, и даже не про «разумный замысел» в этих миллиардах лет, но про вневременное начало мира в целом (не природы) в его связи с концепцией ничто. Это в принципе не имманентный времени, но трансцендентный ему предмет. Можно сказать, что вопрос о творении – это не естественно-научный и, как ни странно, даже не религиозный (не догматический) вопрос, но исключительно философский, просто в смысле компетенции.

Разобраться с сугубо диалектическим смыслом креационистской концепции и затем продемонстрировать возможный поворот в отношении к миру в связи с этим смыслом – первая задача статьи. Второй задачей является показать, как креационизм может быть связан с пониманием пространства, «физической» картины мира, какова внутренняя метафизика этой картины, в рамках чего дается краткое описание «проективной» гипотезы в понимании пространства.

Что значит творение «из ничто»?

Креационизм в предметную область философии Нового времени, т. е. философии пострелигиозной, поместил Гегель. Он противопоставляет креационизм («ничто переходит в бытие») и пантеизм («ничто из ничто» / «бытие из бытия»). Тезис творения из ничто и гегелевское «ничто переходит в бытие» (являющееся исходным моментом его диалектики) – это одно и то же.

Что означает это гегелевское противопоставление? Во-первых, оно означает, что креационистский тезис о ничто – это нечто большее, чем религиозный принцип. А во-вторых, что «ничто» – это не парадокс, не софистическая игра, но логически и научно возможный предмет: ничто связано с бытием, оно – предмет самого сущего, точнее, странного, но лишь кажущегося

¹ В распространенном на Западе направлении «научного креационизма» производится попытка естественно-научного и философского обоснования концепции творения, демонстрации данных, проблематизирующих традиционную эволюционную теорию, а также суждений, свидетельствующих о разумности и наличии «замысла» (т. е. сознательного, божественного начала) в генезисе природы. Суть в «короткой» эволюции (десять тысяч лет), в противопоставлении традиционной «длинной», и в итоге – в соединении эволюции с библейской версией: «Новые креационисты отвергали “староземельные” взгляды своих предшественников двадцатых годов в пользу нового, так называемого “научного креационизма”, или “науки о творении”, которая ограничивала историю жизни на Земле (а может быть, и во всей Вселенной) не более чем десятью тысячами лет, а все существующие окаменелости связывала с потоком при Ное» [7, с. 64]. Повторим, рассмотрение креационистского предмета в каких-либо эволюционных, даже «коротких» формах мы считаем его подменой, т. е. принципиальной ошибкой. Сам спор между эволюционизмом и научным креационизмом, равно как между эволюционизмом и сугубо катехетическим религиозным пониманием творения, мы не считаем раскрывающим креационизм, ту настоящую идею, которая заключена в нем.

парадоксальным дискурса (собственно и называемого диалектикой), в котором становится возможным: «ничто есть», «ничто действует», «ничто здесь».

Парадоксальность ничто делает «творение из ничто» изначально проблематичным, метафизически неудобным принципом. Эту проблематичность фиксирует еще средневековая философия и пытается преодолеть – избавиться от ничто. Например, у Георгия Гемиста Плифона² производится попытка редукции этого принципа в направлении освобождения творения от «ничто». Идея в том, что 1) мир творится вечно, а это значит не из ничто, потому что творение из ничто понимается как момент во времени; 2) творение предопределено творческой сущностью сверхсущего, а это значит не из ничто, потому что творение из ничто понимается как произвольное, а не предопределенное действие. Это важный момент в генезисе креационизма в его еще нечетком различии с пантеизмом, и следует с этим разобраться.

1. То, что мир творится вечно, т. е. что нет «момента творения», означает невозможность понимать творение «из ничто» темпорально – как какой-то момент во времени, предшествующий миру, т. е. как время, когда «мира не было». Подразумевается, что время – это онтологически внутреннее свойство мира, поэтому творение как действие, предшествующее миру, не может быть во времени как его момент, не может быть *временем*. То есть нет ничто как момента во времени «до мира». Всё правильно, однако из этого не следует вывод, что в творении нет ничто в принципе – что про творение вообще нельзя сказать, что оно «из ничто».

Дело в том, что принцип творения из ничто означает не «время до мира», но совсем другую вещь – производность мира от сверхсущего (единого). Именно это есть первое и главное в содержании этого принципа. «Бог творит из ничто» означает: мир производится из сверхсущего как самодостаточной причины сущего и *ничего, помимо Него*. В этой экспликации становится еще лучше видно, что сама постановка вопроса о творении во времени метафизически ошибочна: связь сверхсущего и сущего (от сверхсущего к сущему) не может быть во времени (если сверхсущее подчинено времени, то оно не сверхсущее), но может быть только вне времени, т. е. в вечности. Пожалуй, именно это и имеет в виду Плифон. Отрицание же «из ничто» у него имеет смысл отказа от его профанического понимания как «чего-то во времени до мира», но этот отказ отнюдь не исключает возможности какого-то более глубокого смысла «из ничто».

Итак, вечность творения следует понимать как вневременную связь, включающую темпоральное ничто, но из этого не следует полное отрицание «ничто» в формуле творения, оно остается, по крайней мере, как важное символическое обозначение самодостаточности сверхсущего.

² По книге [5].

2. То, что творение предполагается творческой природой Бога, означает, что творчество постулируется как отдельная от Него сущность, которая выступает в качестве причины сущего наряду или вместо Бога. Тезис получается такой: творению предшествует творчество, и Бог творит не из ничего, а «из творчества». Проблема этого тезиса, по сути, в том же, что и в предыдущем: недостаточность понимания онтологического смысла божественной сущности как сверхсущего. Если в принципе возможно говорить о сверхсущем как о субъекте, т. е. источнике действия (что а priori в принципе творения), то никакие предикаты Его в этом действии не могут становиться на место Его Самого или наравне с Ним. В тексте самого Плифона (в переводе И.П. Медведева): «Сущность этого Бога и Его действия тождественны и ни в малейшей степени не могут быть различимы между собой» [5, с. 234].

Творчество – это предикат, а не субъект (субъект есть творящий, но не творец «субъектствующий») или еще какая-то сущность наряду с ним. Творение, как действие, является действием одного Бога (сверхсущего, единого) и не является действием какой-то другой сущности помимо Него. Итак, в результате остается то же самое – творение Богом и ничем, помимо Бога, т. е. творение (Богом) из ничто. Когда традиция обозначает это как произвол и волюнтаризм, она опять лишь психологически символизирует (для социальной доступности) самодостаточность сверхсущего: «Бог настолько ни в чём не нуждается в произведении Им мира, что как бы произволен».

Таким образом, вывод, сделанный в статье А.В. Попова, о том, что «средневековая концепция креационизма преодолевается в пользу представления об извечном творении» и «при такой позиции отрицается не только волюнтаризм Бога в творении мира, но и тезис о творении мира из ничего» [6, с. 114], следует признать недостаточно точным, не учитывающим метафизический смысл принципа творения из ничто как, прежде всего, постулата сверхсущего. И мы утверждаем вопреки этому выводу: принцип творения из ничто в своем настоящем и глубоком метафизическом значении не редуцируется вечностью во взаимосвязи мира с Богом и творческой природой Бога.

Так что такое «творение из ничто»? В чём заключается его метафизическое значение? Чтобы понять креационизм в настоящем, конечном его значении, нужно выстроить его схему, полностью исключая пантеизм и натуралистические экспликации.

В диалектике Гегеля ничто становится точкой отталкивания бытия в образуемом им движении – движении понятия. В этом заключается метафизически-механическая функция ничто: оно внутренне дистанцирует бытие в исходном тождестве с ним, образуя в итоге мир как семантическую

систему, включающую природу и историю. Но это не творение из ничто, и Гегель на самом деле не редуцирует пантеизм. Пантеизм остается в исходном пункте гегелевской системы – в тождестве бытия и ничто. И окончательное преодоление пантеизма должно заключаться в растождествлении именно на этом уровне.

Ничто у Гегеля это пустота, равная себе, пустое, чистое тождество без чего-либо тождественного – форма тождества, чистое «=»³. То есть это дистанция в одном и том же или *чистое различие*. Бытие у Гегеля это «неопределенное непосредственное», чистая неопределенность и пустота, оно равно лишь самому себе, но при этом не неравно иному [2, с. 28, 29] – настолько оно неопределенно (= бескачественно). Непосредственность – отсутствие опосредующего, т. е. слитность, совпадение, тождество. Однако неопределенность в этом тождестве лишает его четкости – оно именно не определенное, не «твердое», но «размытое», дистанцированное, непонятно чего тождество, нечеткое тождество, в котором обнаруживается чистое различие. Вот здесь бытие и ничто и оказываются совпадающими. «Чистое различие» и «чистое тождество» – это семантическая игра и ловушка: они переходят друг в друга, взаимно вращаются своими значениями и совпадают. Тождество потому и тождество, что оно есть отношение, и в нем, как *отношении*, имеются *разные* стороны; различие потому и чистое, что в нем то, что различается, различается только *различием*, а не самим собой (различие позиций, а не предметов в этих позициях). Вот поэтому бытие и ничто у Гегеля совпадают. А есть А, потому что А не есть А; А не есть А, потому что А есть А.

В этом тождестве исчезает, точнее, не возникает креационизм и остается пантеизм, «всё во всём», противоположное в противоположном: бытие в ничто, ничто в бытии. Если ничто тождественно бытию, то из него *не возникает* бытие. Нам же нужно понять именно это – как из ничто *возникает* бытие (мир, сущее). Между ничто и бытием должно быть обнаружено и выстроено не тождество, но импликация – вот задача.

Задача решается постулатом единого. Это самостоятельно значимый постулат, отдельный от постулата бытия, в то время как Гегель отождествляет единое и бытие. Да, есть цитата, где он говорит о различии⁴, но имеет в виду различие сущего и бытия, а не единого и бытия (или единого и сущего). То есть под единым он подразумевает сущее, совокупность су-

³ «Ничто, чистое ничто; оно есть простое равенство с самим собою, полная пустота, отсутствие всякого определения и содержания; неразличимость в себе самом» [2, с. 29].

⁴ «Бытие и единое суть оба элейские формы, которые тождественны. Но их следует также различать, – так признает Платон в своем диалоге. Отстранив от единого многообразные определения целого и частей, бытия в себе самом, в чём-либо другом и т. д., фигуры, времени и т. д., он приходит к выводу, что единому не присуще бытие, ибо оно присуще чему-либо не иначе, как одним из этих способов» [2, с. 43, 44].

ществующего. Но единое в его платонистском смысле есть нечто более абстрактное, и, как нам кажется, «точка сборки» креационизма находится именно в этом пункте.

Единое – это не сущее и не бытие. В платонистской и неоплатонистской иерархии единое выше сущего и бытия. Это означает, если принять эту позицию, что единое, во-первых, предшествует сущему, и, во-вторых, предшествует различию. Поясним этот тезис. Сущее – это полнота сущего, т. е. различного. Существовать – это обладать отдельностью (= отличием), и что-либо различное всегда относится к сущему (если нечто отличается от другого, определенно или неопределенно, оно всегда внутри сущего; например, к сущему относятся одинаковые частицы в физическом пространстве, которые различаются не определенно, но условно – координатами). Поскольку сущее – это всё различное, то сущее логически тождественно различию. А полнота не всегда относится к сущему, потому что полнота возможна не только в различном, но и в тождественном⁵ (это не противоречит пройденной выше позиции о совпадении чистого различия с чистым тождеством (у Гегеля): в состоянии чистоты, т. е. «минимума», они совпадают, но в противоположном состоянии «максимума», т. е. полноты, не совпадают). То есть полнота логически больше сущего и предшествует ему.

Итак, получается схема: 1) единое → 2) сущее = 3) различие. Здесь важна импликация от единого к различию, т. е. получается: 1) единое → 2) различие.

И теперь главное: различие *включает* различие между единым и самим различием. То есть различие дизъюнктивирует единое и различие (различие это – единое и различие) и в этой дизъюнкции выводит единое – делает его имплицитным. Получается, что вначале единое выводит различие (в предыдущей схеме), а далее различие выводит (имплицитирует-2, «творит») единое из себя.

Схема становится такой: 1) единое → 2) различие → [3) единое ←→ 4) различие]. Важен пункт 4: это различие, возникающее в дизъюнкции единого и различия, в которой это различие уже не имплицитировано единым – оно оказывается в стороне от последовательности импликаций. Это различие-вне-единого, чистое различие, ни то ни другое, т. е. ничто. Вот здесь оно возникает как компонент.

Далее, различие оказывается в двух местах. В схеме это позиции 2 и 4. Позиция 4 – это различие отколовшееся, различие-вне-единого, т. е. ничто.

⁵ Что такое полнота в тождественном? Это и есть интенция единого, в направлении к чему становится единое (его понятие). Единое в этом есть единство полноты тождественного (образующего интенцию) и полноты различного (сущего). Однако такое единое не есть ничто, как у Порфирия, и не сверхсущее, как в ранней христианской теологии.

А в позиции 2 также различие, но которое предшествует единому, т. е. единое становится как будто бы выводимым из этого различия. Здесь ключ к пониманию «из ничто».

Это выводимое из различия единое, различающаяся полнота, и есть сотворенное сущее, которое «из ничто». Различие перед ним – это изначально не само ничто, но после возникновения различия-вне-единого оно становится совпадающим с ним (оно есть бытие, совпадающее с ничто, – можно сказать, что у Гегеля отражен именно этот момент).

«Из ничто» обретает двоякий и в обоих случаях удивительно точный (и при этом издевательский) смысл: 1) творение «из ничто» – это разворот импликации единого и различия, где вместо различия из единого возникает единое сущее из различия, становящегося в этой позиции ничто; 2) творение «из ничто» есть творение с ничто, вместе с ним – «из» означает здесь использование ничто как средства.

Общий смысл схемы – подмена местами, разворот, именно который и есть смысл фундирующего мир метафизического механизма, называемого творением. Онтологическая инверсия и негативный принцип мира или, говоря попросту, мир из ничто и вместе с ничто вместо мира из единого – вот смысл творения.

Нужно понимать, что это вывод, который в выстраиваемом отношении к миру противоположен монотеизму и производной от него позитивистской модели. А предельный, критический тезис, который символически концентрирует эту противоположность, может быть выражен так: *грехотворения не было*.

Проективная структура пространства

Теперь надлежит разобраться с пространством. Идея в том, чтобы приложить схему креационизма как негативного принципа мира к пространственному аспекту мира. Это не произвольная затея, но необходимое продолжение предыдущего, так как пространство есть продолжение и завершающий уровень творения, схема которого должна быть найдена на этом уровне, без чего ее рассмотрение останется неполным.

Схема в том, что имеет место разворот, переворачивание местами; мир – это разворот, и этот разворот образует изначальную сущность мира как творения. Это мы и намереемся обнаружить в устройстве пространства. Конечно, этот опыт имеет характер умозрительной гипотезы. Впрочем, как известно, все рассуждения о пространстве и сама его идея изначально априорны, т. е. представляют собой более или менее очевидную гипотезу. То есть выбор в понимании пространства, если он есть, всегда осуществляется между одной априорной формой и другой. И в таком случае ценностью обладает само наличие выбора, сама возможность представле-

ния принципиально иной картины (хотя бы в качестве интеллектуального упражнения).

Началом рассмотрения пространства должна быть редукция физической установки. Под физической установкой мы подразумеваем подмену понятия пространства понятием физического мира. Современный человек в принципе не понимает, что такое пространство, потому что вместо пространства он видит физический мир. «Физический мир» – это не пространство, это постулат приоритета вещества, массы над пространством – пространство как точки и линии понимается производным от массы. Физический мир есть картина, в которой есть сгустки массы, а «пространство» – это дополняющая совокупность масс условная сознательная схема (априорная форма, по Канту). Пространство в этой картине не имеет места само по себе как сущность, как *геометрия*. Геометрия как сущность пространства в этой картине есть акциденция вместо сущности – функция физики.

Когда мы говорим «пространство», мы говорим «масса». То, что мы домысливаем к массе как «расстояние» или «объем», это не само пространство. Это, скажем так, пространство, закрытое массой.

Вот это и надо преодолеть. Просто сконструировать противоположный постулат (других вариантов нет): приоритет линий и точек над массой. Да, это странно, но это нужно.

Как только мы сосредоточиваемся на самом пространстве, мы обнаруживаем, что оно принципиально бинарно. Пространство как настоящий, собственно геометрический предмет – это точки и линии. Бинарность пространства – это само наличие, сам постулат «линий» / «точек» как изначально именно такого, двойственного предмета. Дуализм волн и частиц в физике – это на самом деле дуализм линий и точек. Апории элеатов указывают на этот же дуализм. Остановимся на этом.

Суть апории об Ахиллесе и черепахе – отрицание движения. Почему нет движения? Если движение есть, то это движение центра тяжести тела, т. е. точки. Точка, по своему понятию, есть безразмерный элемент, т. е. точка не имеет места, поскольку ее место всегда оказывается «внутри» или «позади» той масштабной единицы, в которой ее место предположительно определяется (она оказывается в бесконечной масштабной удаленности). Поэтому переход от точки к точке не есть переход от места к месту, т. е. не есть движение.

Отрицание движения – отрицание линии. Линия образуется, по своему понятию, как совокупность и место переходов от точек к точкам: нет переходов, нет и линии. То есть смысл апории в том, что линия невозможна, точнее, она парадоксальна: действующие категории восприятия, конституирующие пространство, не позволяют линию объяснить. Кроме того, пе-

реходу предшествует направление, а направление – это уже линия. Получается, линия предшествует линии.

Этот начально-геометрический парадокс совпадает с проблемой параллельных: как возможно равенство расстояния между линиями? Как это равенство не проваливается в неуловимую бесконечность «нулевого» угла между параллельными, не отклоняется от него на всем протяжении? Иными словами, если угол между параллельными равен нулю, то как он возможен как именно нулевой, а не чуть-чуть отклоняющийся? Так же как не получается «поймать» точку, не получается поймать угол.

Вопрос о параллельных – это вопрос о конгруэнтности (совпадении). Конгруэнтность – это ключевой пространственный феномен, собственно конгруэнтность и есть пространственность. Когда мы определяем объект как находящийся в пространстве, мы определяем его конгруэнтность чему-то: вот стакан можно поставить на стол (дно стакана конгруэнтно поверхности стола).

Параллельные линии, т. е. линии, между которыми равные расстояния, это общий случай совпадающих линий (все совпадающие – параллельны). Можно сказать, параллельные – это отодвинутые (отложенные) совпадающие.

Таким образом, получается вопрос: как возможно совпадение, через что возможен переход от точки к точке в совпадающих линиях – как это *метафизически* происходит, т. е. как это понять, когда это происходит? Как видим, это и есть вопрос о самой линии – тот же самый вопрос о переходе от точки к точке.

Итак, вопрос о том, как возможны параллельные, и о том, как возможны совпадающие линии (как возможна конгруэнтность), и исходный вопрос о том, как возможен переход между точками в линии, – это один и тот же вопрос, и это вопрос о самом пространстве, это точка отсчета феноменологии пространства. Именно здесь уже обнаруживается не математический, но больший по статусу, онтологический вопрос: каково сущее, онтологическое условие перехода? Что есть в самом сущем, что образует возможность перехода? Вот корневой вопрос в рассмотрении пространства.

Этот вопрос означает, что пространство не полно. Пространство, как оно видится, не собирается, не обладает изнутри себя перцептивно прослеживаемой полнотой – имеет что-то сокрытое, недостающее, в нем есть какой-то пробел и, можно сказать, обман. Эта неполнота не фиксируется и не преодолевается математически (математика всегда возможна только после преодоления). Она раскрывается только в отношении к сущему: как онтологическое требование, как необходимость постулата некоего принципиального в сущем обстоятельства. Поэтому эта неполнота – как проблема, как вопрос, как вектор – направлена и относится к области метафи-

зики, т. е. диалектически конституируемых сущностей, а не математики, т. е. множеств, когда они уже как-то даны.

Возможное решение вопроса базируется на проективной геометрии. Этот выбор – центральный постулат излагаемой гипотезы.

Проективная геометрия, осмелимся заявить, это совершенно метафизическая теория – в настоящем, платонистском смысле. Суть ее в том, что пространство – это проекция, отражение (представим, что мы всегда смотрим в зеркало, и всё, что мы видим, это отражения). Как будто пространство изначально, во всех своих отношениях – это отражение на некоей поверхности, и, стало быть, все отношения в нём фундируются тем, что отражается, т. е. находится вне поверхности. То есть пространственные взаимодействия (линии, конгруэнтности, движения) обусловлены поверхностью – они происходят через нее и из того, что за ней.

В проективной геометрии параллельные линии имеют минимальный (= бесконечно малый) угол. Поэтому параллельные пересекаются в точке, которая «бесконечно удалена». Что это такое – «бесконечно удалена»? Бесконечная удаленность – это указание на выход за рамки мира, это трансцендентность. Бесконечная удаленность в проективной геометрии – это трансцендентальное условие геометрической действительности мира, того, что он как-то действителен вопреки пространственной неполноте, т. е. это восполнение этой неполноты. «Бесконечная удаленность» образует странный и трудный, но прямой ответ на исходный вопрос о переходе: переход возможен потому, что он осуществляется через трансцендентное место.

Дело, разумеется, не в том, чтобы трансцендентность объявить и, остановившись на этом, удивиться, трансцендентность – это не догмат. Равно как (и в этом как раз и заключается онтологический, а не математический смысл) трансцендентность – это не аксиома, что, по сути, есть разновидность догматики. Проективно-геометрическая трансцендентность имеет доступный в экспликации зрительный, геометрический характер, ее можно продемонстрировать феноменологически, т. е. выстроить и представить изнутри сознания как *обстоятельство в сущем*, не как внешнюю математическую абстракцию, но в единстве сознания и восприятия мира, иными словами, как *картину*. Только в этом случае она будет раскрыта как онтологический предмет, и это раскрытие мы собираемся далее произвести.

Суть проективной геометрии – это принцип двойственности. На исходном уровне этот принцип утверждает связь между точками и линиями: любые прямые имеют общую точку, любые две точки имеют общую линию. Это онтологический, по сути, тезис: у прямых *существует* общая точка, у точек *существует* (а не воображается) проходящая через них линия. Этот принцип напрямую и означает пересечение параллельных, т. е. ут-

верждаемое существование «бесконечно удаленной» точки, а далее следующее: параллельные поверхности имеют бесконечно удаленную линию, пространство целиком имеет бесконечно удаленную поверхность.

Это настолько важный (просто фантастический) тезис, что его нужно раскрыть подробнее. Суть в том, что если каждая группа параллельных линий имеет точку, то внутри какой-либо плоскости разные группы параллельных линий в своей совокупности имеют совокупность бесконечно удаленных точек, т. е. линию. Аналогично, все плоскости имеют совокупность бесконечно удаленных линий. Значит, пространство в целом имеет какую-то бесконечно удаленную поверхность (образуемую линиями, как сеть). Эти тезисы транзитивны – каждый предыдущий уже предполагает следующий (на самом деле уже на стадии линий: если все пучки параллельных линий имеют по точке, то полная совокупность этих точек – поверхность).

Получается, пространство в целом имеет какую-то поверхность. Это буквально прописывается в учебнике: «Пространство, пополненное бесконечно удаленной плоскостью, – проективное пространство» [1, с. 379]. Плоскость – это, по сути, упрощение, обозначающее топологическое условие отсутствия сгибов.

Итак, онтологический постулат проективной геометрии: есть общая, мировая поверхность, которая «бесконечно удалена». Как этот проективно-геометрический постулат, как эту систему воспринять, представить – сделать мыслью и образом изнутри сущего, а не просто набором абстрактных тезисов про точки и линии? Прежде всего нужно понять, что «бесконечная удаленность» – это не «где-то очень далеко удаленность». Это не место в пространстве в каком-то направлении, но это то, про что можно сказать «везде и нигде» (как сфера Паскаля) и что раскрывается не в координатах, но как некий умственный ход, как способ понимания совершенно обычных вещей.

Отправным пунктом является то, что всякая данная в пространстве вещь складывается в ее восприятии и понятии как топологически цельный объект – как объект, все поверхности которого непрерывно (однородно) соединены и образуют в принципе одну поверхность. Всякое проникновение вглубь объекта продолжает эту одну поверхность и не выходит на *другую сторону*. Это очевидно: как бы мы ни «отворачивали» некую оболочку, заглядывая внутрь предмета, мы будем видеть продолжение ее внешней поверхности. В том, что мы называем «внутри» и в чем мы подразумеваем внутреннюю поверхность, есть на самом деле поворачивание и продолжение одной и той же внешней поверхности⁶.

⁶ Интенция заглядывания и отыскания другой стороны как некоей настоящей внутренней сущности образует психологическую основу атомарной теории и самого понятия *материи*.

Хорошо, мы представили (чисто абстрактно), что объект есть поверхность. Это в принципе нетрудно, достаточно сфокусировать перцепцию формы объекта не на топологическом центре этого объекта, а на его окрестности – не изнутри, а извне (как бы вывернуть наизнанку). Допустим далее, в рамках идеи единой поверхности, что мы находимся внутри некой «большой» поверхности (как бы внутри пузыря), фрагментами которой должны быть такие вот тела-поверхности. По-настоящему трудность в следующем: как представить соединение объектов? Как разные, очевидно представляющиеся замкнутыми каждое в себе, тела образуют в предлагаемой оптике единую, т. е. сплошную поверхность? Получается, что мы смотрим изнутри большой сферы, внутри которой много маленьких сфер, и мы должны как-то представить все эти «сферы» одной поверхностью. Эта задача решается следующим образом.

Представим тело так, как будто оно есть сторона какого-то другого большого тела. Как будто тело есть просто одна из поверхностей какого-то большого и сложного тела. Попросту – торец какой-то сложной фигуры.

Собственно, ничего выходящего за рамки возможного в эмпирической ситуации в этом нет, ведь когда мы осматриваем и ощупываем какую-то замкнутую поверхность, то происходит следующее: то, что мы непосредственно воспринимаем, есть просто некая поверхность. И вот представим, что мы внутри трубы, запаянной плоскими заглушками с концов, и осматриваем одну из этих заглушек просто как железную стенку.

Теперь представим: мы воспринимаем поверхность какого-либо предмета как развертку. Замкнутость вещи, т. е. ее «трехмерность», – это замкнутость *контура* развертки (образуемого фундаментальной графической семантикой)⁷. Контур – это не визуальный абрис, который есть лишь промежуточный уровень, но граница той самой «заглушки» (= развертки). В этом главный, собственно феноменологический и онтологический момент в излагаемой схеме, поясним его.

Физически мы видим всегда только часть поверхности предмета. При этом в сознании мы достраиваем видимую часть невидимой и выстраиваем образ, вне чего мы не видим вещь вообще. Это совпадает с понятием «трехмерности» (объема, пространства в обычном смысле – образ предмета есть его пространственный образ). То, что мы *осознаем* предмет трехмерным, означает, что мы на самом деле всегда фиксируем его в его цельной поверхности, а не только повернутой к нам. То есть мы всегда видим полную замкнутую поверхность предмета, как бы разворачивая ее и образуя развертку. Образ и есть развертка – в этом его смысл как действия сознания, и одновременно в этом его смысл как пространственного обстоятель-

⁷ Основы теории этой семантики изложены в монографии [3].

ства, как части и действия пространства. Форма, граница этой развертки – это образ предмета как элемент сознания, как семантический элемент. Эта же форма есть трансцендентальная граница, которая действует изнутри восприятия вещи – образа вещи – как граница поверхности данной вещи и *единой поверхности*, как ее принадлежность.

Поверхность предмета цельная потому, что она замкнутая – так мы ее воспринимаем, и так конституируется «трехмерность». Смысл «трехмерности» заключается в том, что предмет возможен в пространстве и в воображении как замкнутый *в одной внешней стороне*. Ведь если бы предмет не был замкнутым и «обрывался» бы в своем контуре, обнаруживая настоящую другую сторону, это и было бы аннигиляцией трехмерности⁸. Соответственно, трехмерность есть отсутствие этого обрыва и неданность другой стороны, т. е. это настоящая, актуальная сплошность поверхности. И сплошность эта окончательно конституируется в восприятии – буквально очерчивается – посредством образа.

Итак, единая поверхность – это трансцендентное, к которому в «бесконечной удаленности» сводится пространство в целом, в рамках интерпретируемой здесь проективной геометрии. Она соткана из поверхностей предметов (как воспринимаемых, так и воображаемых), как лоскутное одеяло. Окончательный онтологический смысл ее выстраивается в том, что она является, по ее идее, местом соединения пространства и семантики, так как каждый единичный образ – это действие семантики, и само то, что мы называем образом, смыслом, сознанием, – это то, что на поверхности. Все линии, которые мы видим, *пишутся* на этой поверхности.

Этот аспект, безусловно, отсылает к *поверхности* Ж. Делёза. Можно сказать, что единая поверхность – это в некотором смысле поверхность Делёза, но только принципиально с другой стороны. Разница в том, что у Делёза поверхность не имеет геометрического, т. е. собственно пространственного смысла⁹. Поверхность у Делёза – это метафора смысла, метафора «культурного пространства», семантической системы (понимаемой, впрочем, онтологически расширенно, на уровне дхармических «событий-серий»). И она принципиально непроективна, ничего не отражает и не дополняется чем-то за ней, но, напротив, как семантическая и даже историческая система она самодостаточна. И еще важнее другое отличие. У Делёза

⁸ Термином «три меры» сознание чисто математически обозначает ту структуру (предшествующую координатам), которая лежит в основании замкнутости. Почему три? Замкнутость образуется не кривой линией, но совокупностью прямых, структурой (т. е. минимальным условием) которых является треугольник, так как само понятие кривизны обусловлено поворотом линии: кривизна в ее минимуме как минимальное искривление есть дискретный поворот, переход от линии к линии, т. е. угол.

⁹ «Конечно, в буквальном смысле такую поверхность мы не можем обнаружить нигде: ни в сознании, ни в космосе» [4, с. 234].

поверхность не подразумевает вопроса о том, что на другой стороне. Делёз хочет соблюсти поверхность, упраздняя «глубину», метафизику как движение «вглубь», мы же, в противоположность Делёзу, хотим поверхность развернуть, а другую сторону – открыть.

Это не просто различие в направлении или степени, это различие в стратегии, оно диаметрально, и его нужно обозначить предельно широко, чтобы развести его компоненты заранее: это различие между деконструкцией, номадологией, номинализмом, либерализмом, *aliquid*, игрой, ризомой, с одной стороны, и «глубиной», метафизикой, «насилием», тоталитаризмом, Проектом, сущим – с другой.

Осталось три вопроса. Первый из них: как объяснить пустоту? Пустота между предметами (в предельном случае – в космосе)¹⁰ – это, скажем так, вынужденно выстраиваемая структурой восприятия гипотезируемая поверхность предельно большого тела позади видимых тел. Это проблематичное, предельное состояние работы этой структуры, поэтому максимально напряженное для сознания. Откуда эта гипотеза? От неданности другой стороны и от границы с нею, которая принципиально не дана, но существует и поэтому «размазана» в действующей структуре восприятия.

Второй вопрос: кто такие мы, кто всё это «воспринимает», что это за точка внутри сферы? Попросту: как объяснить отдельность сознания? Вообще здесь имеет место замысел, рассмотрение которого выходит за рамки поставленной в статье задачи, однако ответ в узком смысле возможен. Ответом является наше тело, которое тактильно (как минимум) всегда связано с мировой поверхностью, как она мыслится, и собственно она и начинается с него, т. е. поверхность строится с нашего тела и переходит от него на остальные предметы.

Третий: как описанная, кажущаяся фантастической картина возможна в физическом смысле, не является ли сам вопрос в этом направлении разоблачающим эту картину как заведомо непригодную и несерьезную? Ответим условно, более для обозначения этого важного вопроса, чем для ответа по содержанию. Во-первых, сама идея описываемой мировой поверхности как пространственного фактора *предполагает* вопрос о физическом описании, и в этом еще одно отличие от делёзовской поверхности дхарм-«событий», где, несмотря на онтологический уровень семантической системы, вопрос о физическом устройстве заведомо неуместен (он поглощен самой семантической, внепространственной онтологией). И, во-вторых, есть предположение: описываемая поверхность коррелирует с эфиром в физической теории, не признаваемой, как известно, академической наукой. Просто предположим, что такое направление возможно.

¹⁰ Пустота между предметами в обычных условиях – это иллюзия, так как между предметами есть воздух, который является телом.

Это предельно краткие и условные ответы, что, конечно, обусловлено значительностью вопросов (почему нельзя было их обойти вниманием) и требованием отдельной работы для настоящих ответов на них.

Пространство – это структура, т. е. система, в которой есть изоморфизм макро- и микроуровней. Структуру пространства можно представить как макротело, топологически определяющее геометрию и образ любого тела в пространстве. В гипотетической пространственной структуре мировой поверхности тело – это поверхность, а единая мировая поверхность – тело. Мировая поверхность – это тело, которое есть нечто замкнутое, но замкнутое изнутри семантики, «в сознании», а в самом пространстве (в самом себе) непосредственно соприкасающееся с любым внутренним телом, переходящее в него. Отдаленной, но потенциально наглядной иллюстрацией здесь является лента Мёбиуса. Именно переходность поверхности в поверхность каждого тела есть принцип этой проективной структуры. То, что эта переходность раскрывается не в геометрической бесконечности, но на семантическом уровне, выводит, конечно, понимаемую таким образом проективность за рамки чисто геометрической области.

Противоположная (просто логически) структура – это пустота и «висящие» или «летающие» чем-то и как-то шары или точки (сгустки). Можно сравнить эту картину с лентой Мёбиуса с перерезанными и соединенными напрямую краями. Смысл в том, что вторая сторона закрыта, и вследствие этого замкнутой становится открытая сторона, в которой все тела топологически становятся шарами.

Собственно то, что предлагается, это представить, что привычное в нашем восприятии замкнутое тело, висящее в *отдельном* от него пространстве, есть только разновидность, а не единственно возможный вариант понимания пространства. Просто представить – попробовать (о математически-физических экспликациях речь здесь, разумеется, не идет; заметим лишь, что началом в таком случае должна быть перепостановка вопроса о природе света в ее геометрической основе). Допустим, мы видим шарик под ковром. А теперь нужно представить, что это не шарик, а сама поверхность в ее закручивании, как если допустить, что вы взяли пальцами кусок ровной ткани и закрутили.

Изоморфизм творения и проективного пространства

Пролегомены проективной феноменологии пространства (обозначим так рассуждения про проективную структуру) мы подчиняем диалектике творения. Проективная феноменология – это дополнение диалектики творения из ничто, необходимое в ней. Мы должны были выстроить такое видение пространства, которое можно поместить в рамки идеи творения как онтологической перверсии. Теперь мы синтезируем это видение, т. е. опи-

санную проективную структуру, и схему творения как перверсии, и утверждаем далее, что они изоморфны, т. е. являются одним и тем же.

Итак, в чём заключается изоморфизм проективной структуры пространства диалектике творения, т. е. перверсии единого и ничто? И одновременно: если пространство изоморфно творению как бытию из ничто, значит, в нём есть аналог ничто – что есть этот аналог?

Представим, что у единой поверхности есть другая сторона. Некоторая сложность этого представления в том, что в нём необходимо исключить напрашивающееся представление о толщине. Толщины быть не может: дело в том, что толщина по ее геометрической идее – это всегда продолжение имеющейся стороны. Речь идет не о толщине (как если бы поверхность разрезали), но о *форме* единой поверхности. Представим, что эта форма подобна ленте Мёбиуса и это форма изначально единая и свободная в переходе от стороны к стороне. Представим далее, что происходит геометрическое преобразование, подобное разрезанию ленты Мёбиуса и соединению сторон напрямую, – это разворачивание изначально единой пространственной формы, в результате чего стороны становятся замкнутыми относительно друг друга.

В этой замкнутости раскрывается пространственный аспект творения как системы фундаментальной негации: творение – это разрезание (дизъюнктивирование) и переворачивание сторон. Космос, который мы видим и воображаем, это в таком случае одна из замкнутых сторон. Другая сторона в ее недоступности на «нашей» стороне есть пространственное отражение онтологического, креационного ничто – это и есть его «аналог». Другая сторона есть ничто именно в силу ее недоступности, сокрытости.

Другая сторона проявляется и действует в нашем пространстве, но действует искаженно, через диалектику ничтожения, образуя «пустоту» и «шары». При этом она не только пустота, выстраиваемая физическим и перцептивным механизмом как семантически пограничный фон, как то, что «между вещами». Она как бы просвечивает, перфорирует в самих вещах. Она проявляется, помимо пустоты, в топологической замкнутости любой воспринимаемой вещи, т. е. изнутри «шара». Логика топологической замкнутости – это ограничение места вещи как ее собственного бытия и сведение к топологическому центру, к точке. Точка – это внутреннее в вещи действие ничто как скрытой стороны пространства. Вещи подвержены действию ничто, потому что они топологически подчинены точке и приравнены к ней: бытие в вещах есть разрез, разрыв и точка в центре этого разрыва, и заранее есть ничто.

Пространственный изоморфизм творения образует существенное расширение в понимании диалектики творения как принципа онтологической негации. В этом изоморфизме важен следующий тезис: ничто явля-

ется ничто только «для нас», но для изначального полного пространства это часть. Мы предлагаем смотреть в направлении этой части, реанимируя, а не редуцируя метафизику в противоположность гениальному Делёзу. Мы считаем, что в этом есть смысл даже на уровне гипотезы.

Пространственный тезис переводит смысл принципа негации из экзистенциальной, религиозной и философской области в область несколько бо́льшую. Оценка мира, самого творения как фундаментальной негации – это уже поворот в отношении к миру. Взгляд в направлении полного пространства, если он возможен в рамках представленной проективно-пространственной гипотезы и предполагает готовность к познанию и действию, имеет еще больший смысл, скажем так, возможного научного и еще более широкого, цивилизационного проекта. Данную работу мы предлагаем считать начальным манифестом этого проекта.

Литература

1. *Александров А.Д., Нецветасв Н.Ю.* Геометрия: учебное пособие. – М.: Наука, 1990. – 672 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Ч. 1. Объективная логика, кн. 1. Учение о бытии / пер. с нем. Н.Г. Дебольского. – М.: Изд. профкома слушателей Ин-та красной профессуры, 1929. – 269 с.
3. *Городецкий М.В.* Онтологические основания графического образа: монография / Сибирский университет потребительской кооперации. – Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооперации, 2010. – 268 с.
4. *Кравец А.С.* Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 227–258.
5. *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. – СПб.: Алетейя, 1997. – 339 с.
6. *Попов В.В.* Преодоление средневекового креационизма как отправная точка пантеистической тенденции в философии итальянского возрождения XV века // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2009. – Т. 7, вып. 2. – С. 112–115.
7. *Намберс Р.А., Ларсон Э.Д.* Творение, эволюция и границы науки: дискуссия в Соединенных Штатах // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (33). – С. 55–83.

Статья поступила в редакцию 21.04.2020.

Статья прошла рецензирование 14.06.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376

THE DIALECTICS OF CREATION AND THE PROJECTIVE STRUCTURE OF SPACE

Gorodezky Marat,

Associate Professor,

Philosophy and Law Studies Department,

Siberian University of Consumer Cooperation,

26 K. Marx Avenue, Novosibirsk, 630087, Russian Federation

monheim@list.ru

Abstract

The article considers creationism as a historically relevant principle in the scientific and philosophic aspects denoting the ontological structure of the world. Outside of the religious interpretation, the author speaks of the dialectics of creation, which is revealed as an implicative connection of the one and nothing. Logical inversion (logical turn), acting from within this implicative connection, is postulated as the principle of a fundamental negation, which, according to the author, forms the true and dramatic essence of the world as a creation.

The author distances himself from the widespread discussion between evolutionism and scientific creationism, stating that it does not correspond to the very subject of creationism, understood as the implication of a real from nothing. The author focuses on considering “nothing” as a purely dialectical / metaphysical principle and relies partly on the Hegel’s dialectic of “being” and “nothing”, and partly on the neoplatonic concept of the one. Rejecting the medieval interpretation of the temporal beginning and the Hegel’s identity, he deduces a scheme of the logical connection between the one and the difference, which postulates the inversion (turnover) forming the creation - the one and the difference disjunctively change places, the one becomes the real, and the difference out of the one becomes nothing. It is argued that this postulate, in particular, refutes the thesis about the “fall into sin”.

In the second part of the article, a spatial-phenomenological hypothesis is presented: the author provides a description of the space as a geometrical-semantic plane (projective structure). This hypothesis follows from the phenomenological problem of the duality of a geometric object, which results in the problem of ontological transition between a point and a line (in the aporia of the Eleats) and the related problem of spatial congruence / parallelism. According to the author, the potential for solving these not essentially mathematical, but metaphysical questions is the projective geometry, in which parallel lines intersect at “point at infinity”, and space is complemented by the “plane at infinity”. The essence of the solution consists, firstly, in the assumption of the single plane, which underlies the transition, and secondly, in the description of the perceived world as a result of a specific turn over and closure of this plane, forming the projective structure. The key in this part is the demonstration of the surface of a three-dimensional object as a phenomenon of perceptual-semantic unfolding, which can be imagined as an action of consciousness, consistently reducing the usual scheme. An important aspect of considering the projective structure is the correlation with ‘the Plane’ by G. Deleuze.

The general idea of the article is that the dialectical scheme of creation and the projective structure of the space coincide: the logical inversion (logical turn), acting in connection of the one and nothing, and projective structural turnover – are the same things.

Keywords: creation, the one, nothing, being, real, the basis of existence, the space, projective structure, metaphysics, the plane, three-dimensionality, semantics, negation.

Bibliographic description for citation:

Gorodezky M. The Dialectics of Creation and the Projective Structure of Space. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 2, pp. 357–376. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376.

References

1. Aleksandrov A.D., Netsvetaev N.Yu. *Geometriya* [Geometry]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 672 p.
2. Hegel G.W.F. *Nauka logiki*. Ch. 1. *Ob'ektivnaya logika*, kn. 1. *Uchenie o bytii* [Science of Logic. Vol. 1. The Objective Logic. Bk. 1. The Doctrine of Being]. Moscow, Institut krasnoi professury Publ., 1927. 269 p. (In Russian).
3. Gorodetskii M.V. *Ontologicheskie osnovaniya graficheskogo obraza* [Ontological foundations of the graphic image]. Novosibirsk, Siberian University of Consumer Cooperation Publ., 2010. 268 p.
4. Kravets A.S. Teoriya smysla Zh. Deleza: pro i contra [G. Deleuze's Theory of Sense: pro and contra]. *Logos*, 2005, no. 4 (49), pp. 227–258. (In Russian).
5. Medvedev I.P. *Vizantiiskii gumanizm XIV–XV vv.* [Byzantine humanism of 14–15 centuries]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1997. 339 p.
6. Popov V.V. Preodolenie srednevekovogo kreacionizma kak otpravnyaya tochka panteisticheskoi tendentsii v filosofii ital'yanskogo vozrozhdeniya XV veka [Overcoming of the medieval creationism as the starting point of pantheistic tendency in the philosophy of the Italian renaissance of the XV century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2009, vol. 7, iss. 2, pp. 112–115.
7. Numbers R.L., Larson E.J. Tvorenie, evolyutsiya i granitsy nauki: diskussiya v Soedinennykh Shtatakh [Creation, Evolution, and the Boundaries of Science: The Debate in the United States]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2015, no. 4 (33), pp. 55–83. (In Russian).

The article was received on 21.04.2020.

The article was reviewed on 14.06.2020.